RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 577–591**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591
EDN: SQXRJC

Научная статья / Research article

Природа и экология как объединяющая ценность для общества: к новой политической онтологии общего блага

М.М. Мчедлова[1,2], Д.Б. Казаринова[1]

[1]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

[2]Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрен потенциал природоохранных ценностей как фактора общественной консолидации в современной России. Авторы исходят из гипотезы о том, что экологический кризис создает уникальную ситуацию, в которой общие угрозы могут способствовать формированию новой солидарности. Однако, как показывают исследования, экологическая проблематика все чаще становится не столько зоной консенсуса, сколько глубоким структурирующим политическим расколом между экологизмом и экономической эффективностью. В российской общественной повестке природоохранные ценности не достигают статуса доминирующего национального ориентира, уступая приоритетам государственной безопасности, инфраструктурной модернизации и развития человеческого потенциала. Вместе с тем именно в молодежной среде ценности сбережения природы демонстрируют высокую аттрактивность и интегративный потенциал. На основе данных, полученных в результате фокус-групповых интервью, показано, как экологическая повестка входит в поле гражданской идентичности современной российской молодежи. Отдавая предпочтение индивидуальным экологическим практикам, обеспечивающим ощущение субъектной агентности, молодое поколение все более склонно конструировать свою идентичность на основе экологического патриотизма. Авторами сделан вывод о двойственной природе экологических ценностей, которые, не будучи консолидирующими на макроуровне, приобретают объединяющее значение в горизонте поколенческих и локальных сообществ.

Ключевые слова: политическая экология, экополитология, зеленая повестка, экоактивизм, общее благо, социальная справедливость, экологический патриотизм

© Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ по проекту FSSF 2026–0009 «Философия и религия: перекрестки культур».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Природа и экология как объединяющая ценность для общества: к новой политической онтологии общего блага // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 577–591. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591 EDN: SQXRJC

The Ecological Ontology of the Common Good: Unifying Society Through a Politics of Nature

Maria M. Mchedlova[1,2], Daria B. Kazarinova[1]

[1]RUDN University, *Moscow, The Russian Federation*

[2] Institute of Sociology — a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, The Russian Federation*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. This article investigates the contested role of environmental values as a potential basis for social cohesion in contemporary Russia. While ecological crises are often presumed to generate new forms of solidarity by virtue of their universal threat, we argue that such a hypothesis obscures the increasingly politicized nature of environmental discourse. Drawing on the theoretical framework of political ecology, the study shows that environmental issues in the Russian public sphere operate less as a consensual ground than as a structuring axis of political division between ecological stewardship and economic growth imperatives. Surveying the national agenda, the authors find that environmental concerns remain peripheral relative to state security, infrastructural expansion, and human development — these are the priorities that dominate public discourse. However, this macro-level marginalization contrasts sharply with the micro-level dynamics observed among younger cohorts. Based on original focus group data, the article demonstrates how youth appropriate the environmental agenda as a resource for civic identity formation. By engaging in individual environmental practices that restore a sense of personal agency, young Russians increasingly articulate their belonging through what we term *ecological patriotism* — an identity strategy that, while locally and generationally cohesive, does not translate into national-level consolidation. The article thus advances a nuanced understanding of environmental solidarity as a phenomenon that is generationally bounded and locally situated rather than universally scalable.

Keywords: ecological patriotism, youth identity, environmental values, political ecology, generational cleavages, civic agency

Acknowledgements. This publication was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FSSF 2026–0009 “Philosophy and Religion: Crossroads of Cultures.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Mchedlova, M.M., & Kazarinova, D.B. (2026). The ecological ontology of the common good: Unifying society through a politics of nature. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 577–591. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591 EDN: SQXRJC

Введение

Отношения человека и природы имеют различные измерения — от онтологического до ценностно-политического, структурирующие способы мысли, поведения и рефлексии. Во многом различие в понимании этих взаимоотношений определяет и различия между философскими, религиозными и цивилизационными картинами мира. Мировоззренческие системы, выступающие альтернативами доминирующей западной парадигме экономического утилитаризма и консюмеризма, предлагают эпистемологически отличные модели интерпретации взаимосвязи человека и природы, однако в глубине лежит фундаментальная идея поисков потерянного единства мира. Еще в 1959 г. Олдос Хаксли в курсе лекций «Человеческая ситуация», прочитанном в университете Санта-Барбара, заявлял, что западное энвайроменталистское доминирующее понимание того, что природа обуславливает и создает цивилизацию, упускало из виду тот факт, что человек сделал почти столько же для того, чтобы изменить природную среду, сколько природа для того, чтобы сформировать историю [Huxley 1977]. Чуть позже один из создателей Римского клуба Аурелио Печчеи в своем политико-академическом «завещании» настаивал, что гармония между человеком и природой является не только условием существования человека, но и культурной ценностью, источником антропологической устойчивости, способом избежать «расчеловечивания» [Pecchei 1984, 9]. К сожалению, существующие государственные организации и институты не способны предложить решения этой фундаментальной проблемы [Pecchei 1984, 11], поэтому следует изменить философию и эпистемологию преодоления экологической проблемы глобального характера.

Экологическая онтология, этика и аксиология

Проблемы уязвимости окружающей среды и угроз экологии, от глобальных до локальных, представляют собой не только вызов для экономических моделей и технологических систем (проблема зеленого перехода), но и фундаментальную проблему политической организации общества. Нарастание климатических рисков, утрата биоразнообразия и деградация природных систем ставят перед политической наукой вопросы, выходящие за рамки традиционных представлений о предмете политики.

Экологическая онтология — это подсистема знания, изучающая фундаментальные категории бытия, существования и взаимосвязей в природных системах, рассматривая окружающую среду не как пассивный фон или ресурс, а как активную, динамичную и самоорганизующуюся реальность, в которой все сущее (включая человека) существует в сети материальных, энергетических и информационных взаимодействий.

Особое значение приобретает вопрос о том, может ли экологическая проблематика стать основой для нового общественного консенсуса и объединяющей ценности, способной преодолеть существующие социально-политические расколы. Поиски подобного консенсуса послужили возникновению *экологической этики,* имеющей глобальный характер, принципы которой затем вылились в дух 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) как глобального плана действий[1]. Эти цели призваны стать образцом для построения лучшего и устойчивого будущего для всех жителей Земли. В корпоративно-управленческом разрезе это вылилось в приоритеты ESG[2] стратегии (расшифровывается как Environmental, Social, Governance — экология, общество, управление) — это подход к ведению бизнеса, который дополняет финансовые показатели оценкой влияния компании на окружающую среду, общество и качество корпоративного управления с целью обеспечения качества росту, который не вредит будущим поколениям.

Экологическая аксиология предлагает взгляд на природу, иерархию и обоснование ценностей по отношению к природной среде, живым существам и экосистемам. Она рассматривает окружающий мир не только как объект утилитарного использования, но как носитель имманентной ценности, независимой от человеческих потребностей, и исследует основания для моральных обязательств человека перед биосферой. При этом в структуре экологической аксиологии выделяются:

- инструментальная (утилитарная) ценность — природа как средство удовлетворения человеческих потребностей (ресурсы, экосистемные услуги);
- имманентная (внутренняя) ценность — самоценность природы, существующая вне зависимости от ее полезности для человека (право всех видов на существование);
- духовно-эстетическая ценность — нематериальное значение природы для культуры. Для настоящей работы именно последнее измерение экологической аксиологии является фундаментально значимым.

Экологическая этика в преломлении религиозной традиции

Одной из основных эпистемологических рамок для анализа экологической этики является противопоставление антропоцентризма и биоцентризма. В разных культурах и цивилизациях акцент в разной степени делается

[1] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

[2] ESG (Environmental, Social, Governance — экология, общество, управление) — подход к ведению бизнеса, в котором финансовые показатели дополняются оценкой влияния компании на окружающую среду, общество и качество корпоративного управления. Следование принципам ESG было не только продолжением глобальной экологической этики, но и необходимой частью репутационного капитала корпорации, включающего этическое ценностное и ответственное наполнение. Однако последние исследования фиксируют конец эры ESG как моды и начале эры устойчивости как конкурентного преимущества (см. Переделы ESG. Почему меняется и какой может стать практика корпоративного устойчивого развития // Коммерсантъ 20.06.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7798691?ysclid=msd6trfsiy392822608 (дата обращения: 14.02.2026).

на онтологический статус природы и моральную агентность человека. Следует подчеркнуть, что в чистом виде антропоцентризм встречается преимущественно в секулярной модернистской парадигме (инструментальный рационализм). Религиозные традиции даже при выраженном «центральном» положении человека вводят конститутивные ограничения (божественный запрет, кармическая ответственность, сакральность творения), что сводит роль человека в отношении природы к ответственному антропоцентризму. Теоцентризм выступает как медиатор. Христианство и ислам избегают как биоцентризму (который для них онтологически некорректен), так и антропоцентризма (который этически опасен), удерживая природу в системе отсылок к трансцендентному. При анализе культурно-религиозных традиций более корректно говорить не о бинарном выборе между антропо- и биоцентризмом, а о спектре моральных онтологий, в котором ключевыми переменными выступают:

а) статус трансцендентного;

б) критерий включения в моральное сообщество;

в) понимание человеческой агентности как доминирования или служения.

Эти идеи прослеживаются в концепции «этики экологической ответственности», ставшей названием классической книги Р. Атфилда [Attfield 1983], согласно которому есть традиция управления природой и традиция сотрудничества с природой. Произрастая из религиозных традиций (с различными подходами к статусу и агентности человека и живого мира), экологическая ответственность распространяется на все живое. Так, в Новом Завете отмечается, что Бог заботится не только о человеке, но и о малых птицах — воробьях (Мф, 10:29), или то, что Иисус провел 40 дней «в пустыне», т.е. среди дикой природы, где «был со зверями» (Мк.1:13), а затем пересекал «море Галилейское» для уединения (Мк. 4:35, 6:45,8:13) Таким образом, можно предполагать, что Иисус рассматривал природу не только как источник ресурсов, но как дом человека и как место для духовного обновления. Вместе с тем, по мнению Р. Атфилда, в послании апостола Павла говорится о том, что природа изначально была прекрасной и благой, а ныне угнетена силами зла и смерти, находится в угнетенном положении и может обрести спасение через духовное освобождение человека: «…все творение в целом охвачено драмой спасения» [Attfield 1983: 30].

Для христианства характерен условный *антропоцентризм* с элементами теоцентризма. Священное Писание (Быт. 1:26) наделяет человека особой субъектностью в управлении природой. Однако современная экологическая теология (например, Стив Бишоп[3] «Зеленое богословие и глубинная экология», Линн Уайт-мл. [Lynn White Jr. 1974], Джон Пассмор [Passmore 1974]) переосмысляет это управление, где власть означает служение. Природа обладает ценностью как творение Божье, но высший моральный статус сохраняет человек, созданный по образу Бога. Чистый биоцентризм здесь невозможен из-за онтологической пропасти между Творцом и тварью. В современном католичестве экология

[3] *Стив Бишоп.* Зеленое богословие и глубинная экология. URL: https://proza.ru/2024/10/07/530?ysclid=mssod8erus311748159 (дата обращения: 14.02.2026).

выступает составной частью социальной справедливости: папа Франциск в энциклике 2015 г. Laudato Si говорит о том, что «неотделимы друг от друга забота о природе, справедливость по отношению к бедным, сознательная позиция в обществе и внутренний мир»[4]. В связи с этой энцикликой папа Франциск снискал репутацию «зеленого папы».

В исламской традиции риторика антропоцентричной ответственности также неотделима от теоцентризма. Человек — халиф (наместник), но его центральное положение не дает ему прав собственности (мильк), а лишь право пользования (манфа'а) в рамках доверительного управления (аманат). Природа — это айат (знамения Бога), что придает ей сакральный статус, но не самостоятельную субъектность. В ортодоксальной теологии природа не имеет прав, но нарушение ее баланса (мизан) есть грех против Бога, что функционально приближает эту этику к биоцентричной, оставаясь в теоцентрических рамках.

Экополитология VS Зеленая повестка?

Религиозно-философские воззрения отражаются в политических конструкциях, основанных либо на принципах «владеть», либо «управлять», либо «составлять единство». Перетекание данных идей в политическую сферу и политизация сакральной аргументации привела к возникновению в академическом пространстве *политической экологии (экополитологии)* как ответа на фрагментацию научного знания и неспособность традиционных дисциплин адекватно описать сложность отношений между обществом и природой. Эта часть гуманитарного знания, которая не просто изучает экологию в политике, а рассматривает все экологические проблемы через призму политической борьбы, власти и принятия общественно значимых решений в условиях глобального экологического кризиса. В латиноамериканском контексте, где эта традиция получила особенно мощное развитие, политическая экология понимается одновременно как интер- и трансдисциплинарная перспектива академического знания и как обновленная политическая практика, сопряженная с борьбой социальных, коренных и крестьянских движений.

В отечественной науке фокус делается на истории и конфликтном характере взаимоотношений политики и экологической проблематики [Якуцени, Буровский 2015], онтологических проблем отношений природы и человека, а также становления политической экологии как дисциплины и ее места в ряду других: культурной экологии, социальной экологии, антропологической экологии и т.д. [Мармазова, Фоменко 2021].

Ключевой вклад политической экологии заключается в том, что она фокусируется не только на конфликтах экологического распределения, но и на властных отношениях, переплетающихся между укладами жизни сообществ, поддерживающих социоэкологическое сосуществование, и динамикой, навязываемой

[4] Энциклика. URL: https://archivioradiovaticana.va/storico/2015/06/18/обнародована_энциклика_-папы_франциска_«laudato_si»/ru-1152365 (дата обращения: 14.02.2026).

глобализированным миром. Такой подход позволяет рассматривать экологические проблемы не как изолированные технические вызовы, а как неотъемлемую часть более широких политических и социальных противоречий.

Принципиально важно отметить, что политическая экология как область политического знания внутренне идеологически конфликтна.

С одной стороны, она признает плюральность знаний и необходимость конструирования альтернативных рациональностей. Знания коренных народов, основанные на многовековом опыте сосуществования с локальными экосистемами, были маргинализированы в Новое время, однако именно они могут предложить альтернативные модели отношений с природой. Эта эпистемологическая позиция, близкая к *цивилизационному подходу*, имеет фундаментальное значение для понимания экологии как объединяющей ценности: она предполагает включение различных голосов и перспектив, что потенциально расширяет базу общественного консенсуса.

С другой стороны, современный этап развития политической экологии связан с довольно монологичным и идеологически жестким подходом, обозначаемым как «зеленая повестка», и слово «повестка» содержит здесь отрицательные коннотации. Программным документом нового этапа стал доклад Римскому клубу[5], призывающий к радикальным мерам: остановке роста экономики и населения, отказу от государственного суверенитета и созданию единого мирового правительства на основе духовно-нравственного мировоззрения, что открыто призывает к власти наднациональных структур и тотальному контролю, а также созданию новой идеологической схемы, принуждающей мир к социальной и политической активности. Ярким примером выступает здесь проект «Грета Тунберг» — наднациональный политтехнологический проект, созданный в русле западной экополитической мысли [Мармазова, Фоменко 2021: 202]. Таким образом, давно став частью политического дискурса Запада, зеленая повестка привносит свои противоречия и основания для социально-политических размежеваний.

Определяя предмет политической экологии, Т. Романова отмечает: «…для политической экологии как отрасли знаний ключевыми представляются три проблемы: ограниченность ресурсов и их неравномерное распределение; взаимосвязь между индустриализацией и нагрузкой на окружающую среду; и, наконец, загрязнения и отходы производства» [Романова 2010]. В связи с этим она показывает, как различные подходы политической науки — (нео) реализм, либеральный институционализм, «неэкологизм», конструктивизм — диаметрально различно решают проблемы взаимоотношений политики, экономики и экологии. Она делает вывод: «…нет заранее заданного взаимодействия политики, экономики и экологии, есть наше восприятие биосферных проблем через призму идей, которые либо уже существуют, либо формулируются. При этом определение той или иной проблемы и способность распространить эту концепцию

[5] Римский клуб, Юбилейный доклад. Старый мир обречен. Новый мир неизбежен! // Афтершок. Каким будет завтра. URL: https://aftershock.news/?q=node/601798c

составляют ядро мощи и влияния государства сегодня. В практическом плане это, как правило, означает идеологическую власть Запада, его приоритет в определении того, что является нормальным и нормативным» [Романова 2010].

Однако «сшитая» с либеральным глобализмом экополитология может быть «расшита» в рамках цивилизационного подхода и национальных моделей сбалансированной экологической политики на основе поиска общественного договора между государством, крупным бизнесом и обществом. Б. Латур [2018] предлагает выработать новую концепцию политической экологии, позволяющую совместить научные практики с демократическим процессом принятия решений, — программу построения «общего мира», в котором нечеловеческие акторы (природные объекты, технологии) участвуют на равных с людьми. Это перекликается с идеями экологической ответственности. Предлагаемая Западом экологическая идеология требует переосмысления суверенитета как коллективной ответственности за общие ресурсы, а не как права на неограниченное использование природных богатств. Это предполагает признание трансграничного характера экологических рисков; ответственность перед глобальным сообществом и будущими поколениями; ограничение суверенитета в пользу сохранения общих благ.

Однако в силу существующего глобального неравенства, масштабы которого все увеличиваются, этот подход не может быть универсальным. Представляется, что принципы признания трансграничного характера экологических рисков и ответственности перед глобальным сообществом и будущими поколениями не означают автоматически необходимости жертвовать суверенитетом, а, наоборот, укреплять его на основе социального консенсуса.

Кейсы для отечественной экополитологии: между размежеванием и солидарностью

В России вопросы взаимовлияния политики и экологии носят несколько иной характер, тем не менее вызывая острые социально-политические кризисы на локальном и региональном уровне. Так, кризис вокруг содовых месторождений шихана Куштау[6] в Башкирии — это не просто экологический спор, а *политический конфликт в сакрально-ценностной проекции*, в котором сталкиваются интересы крупного капитала, общества и государства[7]. При этом движущий силой политического протеста выступают не осознанные политические цели и интересы, а именно посягательство на сакральность и неприкосновенность природных символов. Одновременно данный конфликт можно проинтерпретировать как *противоречия между «ценностью развития»* (рабочие места, налоги,

[6] Гора Куштау в Башкортостане считается сакральным местом. С ней связаны народные эпосы, легенды и предания, она воспринимается как важный символ культурного наследия башкир.

[7] Как Башкирия отстояла Куштау (и потеряла БСК): хроника громких протестов в защиту шихана. URL: https://ufa1.ru/text/ecology/2021/08/15/70058681/?ysclid=msnctpqal5516892098 (дата обращения: 11.08.2026).

промышленная мощь) *и «ценностью сохранения»* (уникальная природа, культурное наследие, право людей на благоприятную среду). «Главная сложность состоит в том, что для одной из сторон этот вопрос носит чисто хозяйственный, экономический характер, а для другой стороны вопрос находится в политической и социокультурной плоскости. Именно поэтому оппоненты не слышат друг друга — они апеллируют совершенно разными категориями, основываются на разной логике. Вопрос о том, что важнее — социально-экономическое благополучие города или сохранение исторической и культурной святыни, не имеет однозначного решения, потому что это вопрос о ценностях, восприятие которых лежит за пределами сугубо административных, рациональных решений» [Хайнацкая 2023]. С одной стороны, разрешение подобных конфликтов демонстрирует реальный баланс сил и механизмы принятия экологически значимых решений в современной России. С другой — показывает глубинность защитных социальных механизмов при опасности для консолидирующих и значимых природных символов и объектов, наделяемых в том числе историческими и сакральными значениями.

Общее благо и справедливость вновь вставали в центр философских и политических дискуссий, проектирования образа будущего, во многом системообразующим выступает экологическая проблематика. Соотношения универсального и особенного в данных параметрах манифестируются в проявлениях экологической проблематики и концептуальных основаниях — от отмеченных положений экологической этики до восприятия природных объектов и символов в ценностно-идентитарном разрезе.

Если современные теоретики ставят под сомнение предположение о существовании единого общего блага, увязывая его с цивилизационной и политической градацией мира, то экологический кризис вносит новое измерение в дискуссию об общем благе. Природа и экосистемы являются, по определению, общим благом в том смысле, что они не могут быть исключены из потребления и неконкурентны в потреблении — чистый воздух или стабильный климат доступны всем, независимо от вклада в их сохранение. В этом контексте экологическая проблематика требует переосмысления общего блага не как заранее заданной иерархии ценностей, а как результата политического процесса, учитывающего как экологические ограничения, так и социальные потребности.

Ключевая проблема, препятствующая восприятию экологии как объединяющей ценности, заключается в социальной дифференциации экологических рисков и бремени перехода. Традиционное понимание устойчивого развития часто ставит экономическое и экологическое измерения в приоритет, оставляя социальное измерение на втором плане. Экологическая политика, которая воспринимается как несправедливая в распределении издержек, может подорвать социальную сплоченность и вызвать сопротивление, а не консолидацию. В равной степени верно и обратное — экономические и политические решения во имя грандиозных завоеваний и достижений, в результате которых наносится серьезный ущерб природе — воспринимаются в обществе как несправедливые по отношению к людям, в особенности детям. Критическую роль в успехе

экологической политики играет социальная справедливость через механизм социальной сплоченности и устойчивости: социальное равенство ведет к сплоченности, сплоченность — к устойчивости, а устойчивость — к успеху политики. Это означает, что экологический переход не может быть устойчивым без одновременного решения вопросов социальной справедливости.

Экология, солидарность, справедливость: результаты эмпирических исследований

Подтверждением приведенных теоретических положений выступают результаты эмпирических исследований, проведенных авторами в 2013, 2022–2024 гг., в рамках реализации проектов, связанных с изучением российской идентичности. В данной части работы приведены некоторые обобщенные результаты проведенных экспертных интервью (2013) и фокус-групп (2022–2024) студенческой молодежи[8].

Одной из самых устойчивых тенденций в общественном сознании в России, связанных с солидарностью, общим благом и идентичностью, является тема экологии. Не случайно в ходе исследований было зафиксировано положение, что сегодня приоритетная объединяющая цель — защита государства и страны (с сильным экологическим акцентом). Данная проблематика проявляется в том, что респонденты связывают напрямую будущее государства и экологическую повестку: «*К 2050 г. экологическая повестка, скорее всего, будет одной из самых актуальных. Россия будет сталкиваться с проблемами изменения климата, загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов. Поэтому одно из приоритетных направлений политики и экономики будет связано с устойчивым развитием».* При этом повышенный интерес респондентов к теме экологии не ограничивается исключительно констатацией проблем. Респондентами была продемонстрирована эрудиция, что показывает особый интерес к экологической тематике, на которой завязан образ будущего страны: «*В ближайшем будущем Россия будет страной с разработанной законодательной базой в сфере охраны окружающей среды, будет поддерживать экологическую культуру, внедрять экологическое просвещение граждан, вводить альтернативные методы энергетики*». Был зафиксирован отчетливый запрос на усиление внимания к экологической повестке в контексте укрепления общегражданской идентичности со стороны государства в различных коллективных формах: «*Хочется, чтобы проводилось больше выставок и фестивалей, связанных с экологией, чтобы они*

[8] Использованы результаты проектов «Подготовка предложений по разработке действенных механизмов воспитания подрастающего поколения россиян на основе анализа глубины исторической памяти населения России» (2013), «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации» (2022), «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» (2023), «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса» (2024). Результаты использованы в обобщённом виде.

были более масштабными, и люди приходили бы туда с огромным удовольствием. Мне кажется, это вполне реально и выполнимо».

У молодежи в массовом сознании озабоченность вызывают экологические кризисы, вызванные технологическим развитием. Соответственно, экологические *инициативы не только одобряемы молодежью, но и выступают в качестве примера и образца правильных и солидарных действий, проектного консенсусного целеполагания, снимающего, казалось бы, глубокие размежевания.*

Несмотря на большой потенциал экологической повестки и уже сформулированное положительное консолидирующее ее содержание в России, идея защиты *природы как цель, которая могла бы объединить россиян, не является лидирующей.* Она уступает социально-политическим приоритетам защиты государства, новых инфраструктурных проектов и всестороннему развитию личности.

Тем не менее этот общий подход может вступать в противоречие с частными случаями, когда экологические вызовы становятся экзистенциальными. Пример — утечка мазута в Черном море на юге России в конце 2024 г. Ответом стала спонтанная мобилизация гражданского общества: на основе горизонтальных связей развернулись волонтерские сети, реализующие комплекс мер — от ликвидации загрязнений до спасения биоты, что выявило новый формат коллективного действия, ориентированного на защиту природы. На наш взгляд, это является примером большого потенциала экологической проблематики для общественной мобилизации и солидаризации.

В современной истории России можно наблюдать и деструктивные проявления этого тренда, а именно перетекание экологического действия в политическое (например, уже отмеченный кейс шихана Куштау). Экологическую повестку можно рассматривать как политически разделяющую, однако ее конфликтная составляющая меньше экологической идентичности как консолидирующего основания, так как она направлена скорее на удержание консолидации, чем на радикализацию различий. Так, общественные инициативы, направленные на помощь природе и животным, встречают однозначное одобрение, вне зависимости от включенности в практическую деятельность данных инициатив.

Общая природа большой страны с ее витальными, сакральными и социокультурными смыслами является важным аспектом общего ценностного континуума и цивилизационной идентичности. Ее предельность является одной из границ символической устойчивости российской цивилизации, определяет общую значимость ее защиты и, как следствие, остроту и разноплановость экологической повестки. Интересно, что наиболее активно молодежь включена в инициативы по сортировке мусора. Следует отметить, что сортировка мусора представляется *более индивидуальной и разнообразной* практикой: «*Отключаю воду горячую», «Экономлю электричество», «Я три года собирала крышки, пока жила в общаге. У меня целый мешок собрался*». Эти экологические инициативы связаны с индивидуальным выбором, они характеризуются низким входным порогом с точки зрения временных и трудозатрат и подкрепляют ощущение

личной эффективности в мире, где климатические проблемы кажутся нерешаемыми. Раздельный сбор мусора в этих условиях возвращает агентность и контроль над жизнью.

То, насколько экологическая повестка обладает приоритетностью, отражается в поддержке и оценке повестки зеленых партий, организаций и движений, представляется еще одной значимой стороной рассматриваемых проблем. Можно констатировать наличие осведомленности и внимания к природосберегательной повестке, отсутствие пессимизма, однако сегодня экология не приоритетна в политическом пространстве и не структурирует политический спектр. При этом существует запрос на необходимость участия в решении данных вопросов со стороны крупного бизнеса и готовность к малым действиям. «*С одной стороны, это очень хорошо, что люди задумываются, что есть природа. С другой стороны, общая помешанность на литиевых аккумуляторах, которые ничем не лучше бензина…», «Хотя бы чуть-чуть крупный бизнес хотя бы как-то стремится к развитию экологических всяких штук и это не плохо в целом», «Я считаю, что навряд ли мы сделаем нашу планету лучше, чем сейчас. За 20 лет мы загрязнили на 70 %, но за последующие 30 лет мы загрязним ее еще на 10 %. Да, загрязнения останутся, но их станет меньше и проживем мы дольше*». Респонденты демонстрируют умеренный оптимизм и понимание комплексности проблем экологии, которые не следует упрощать и трактовать однобоко в русле определенных идеологических подходов, следует избегать «повестки». Однако такое понимание демонстрируют, безусловно, не все.

Описанные результаты позволяют сделать вывод, что западные тренды на внедрение данной повестки как политического целеполагания и основания разделения все реже влияют на восприятие данной проблематики в России, экология как таковая не несет в себе конфликтной составляющей, скорее, наоборот, становится драйвером для осознания возможности и одобряемости солидарных действий. Несмотря на то, что экологические практики носят преимущественно ситуативный или индивидуальный характер, природа и экологическая повестка для российского общества, и в особенности его молодежной страты, несет в себе аксиологическое и телеологическое наполнение.

Природа как символический резервуар идентичности

Символическое наполнение природных символов также является гранью экологической политики и экологической этики. Ценностное и сакральное наполнение природных объектов становится не только символическим резервуаром для формирования образа Родины, но и критериями идентичности и, как следствие, политических смыслов. Еще в 2013 г. в исследовании был зафиксирован четкий тренд на повышение значимости природных символов как репрезентирующих образ Родины, что выступило манифестацией витализации символических значений, повышением значимости архетипических, связанных с природой символов и снижением значимости государственно-политических символов.

Соответственно природные символы взяли на себя функцию политического репрезентации. Ни один из собственно политических (или политико-культурных) символов не являлся абсолютным лидером по частоте упоминания, даже Московский Кремль упоминался гораздо реже, чем ожидалось. Наоборот, природные символы — прежде всего озеро Байкал (частота упоминания одинакова с упоминанием Кремля как символа державы), иные природные объекты — были представлены в качестве символов и наполняемости образа России, что позволило сделать серьезный *вывод об изменении образа Родины — от «моей страны» к «моей земле», к более глубинным взаимоотношениям человека и природы, выстраивающим социальность, онтологию и этику.* Данная тенденция за 10 лет стала четко оформленной: из года в год в рамках проведения фокус-групповых исследований наравне с общегосударственными символами (флаг, гимн, Кремль) возникают и природные сюжеты — как природа сама по себе (леса, береза, медведь как отдельные символы), так и отдельные природные объекты, (озеро Байкал) или регионы (например, Камчатка). Доминирование природных объектов и образов природы и вытеснение символов политического или социального характера маркирует фрейм *«Моя земля»*, отражаясь как в картине «горы, моря, леса, тайга», так и в собственно природных объектах — Байкал, Сибирь, Волга.

Это глубочайший антропологический и социокультурный сдвиг, который фиксируют многие исследователи. Переход от историко-культурных символов (памятники, даты, герои, архитектурные стили) к природным (море, степи, леса, скалы, чистая вода, солнце) как маркерам идентичности особенно заметен у молодых поколений. Этот переход может быть связан с целым рядом причин.

1. В отличие от культурно-исторических символов, которые почти всегда сшиты с официальными идеологиями и государственными нарративами, природные символы аполитичны. В условиях кризиса доверия к институциям молодой человек выбирает то, что не может быть сфальсифицировано: горы, море или тайгу.

2. В эпоху тотальной виртуализации и цифровых симулякров именно физическое присутствие в ландшафте становится главным критерием подлинности («это по-настоящему»). Идентичность теперь не выучивается, а проживается.

3. Природа, в отличие от истории, не травматична. Обращаясь к ней, молодой человек снимает с себя груз «проклятых вопросов» прошлого и переходит к вневременному, экзистенциальному переживанию («я — часть этой земли, а не часть этой истории»).

4. Чем острее осознание климатического кризиса, тем важнее природа как символ.

5. Исторические символы — это рассказ (нарратив), который требует контекста. Природные — это образ (имидж), который воспринимается мгновенно и эмоционально. В клиповом мышлении, доминирующем у молодежи, сильнее действуют визуальные и эмоциональные коды, чем линейные исторические цепочки.

6. В противовес государственному нарративу исторической памяти, транслируемому в ходе политической социализации в процессе образования, природа воспринимается как более личное, семейное, локальное, подлинное.

Таким образом, мы наблюдаем постепенный переход от исторического патриотизма к патриотизму экологическому, где Родина — это не история завоеваний, а чистый воздух, вода и земля, которые можно потерять прямо сейчас. И этот длинный тренд необходимо учитывать.

Заключение

Природа и экология обладают значительным потенциалом как объединяющие ценности для современного общества. Экологический кризис создает уникальную ситуацию, в которой общие угрозы могут способствовать формированию новой солидарности. Как показывают исследования, экологическая проблематика все чаще становится не просто вопросом консенсуса, а глубоким структурирующим политическим расколом между экологизмом и экономической эффективностью. В современной российской общественной повестке природоохранные ценности не занимают доминирующее положение в качестве консолидирующего национального ориентира. Их значимость уступает приоритетам, связанным с обеспечением государственной безопасности, реализацией масштабных инфраструктурных проектов и развитием человеческого потенциала, которые воспринимаются как более насущные задачи социально-политического развития. Тем не менее для молодежи ценности сбережения природы являются аттрактивными и объединяющими. Отдавая приоритет индивидуальным экологическим инициативам, которые дают ощущение агентности, молодежь вместе с тем все более склонна выстраивать свою идентичность на основе экологического патриотизма.

Поступила в редакцию / Received: 17.08.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2026
Принята к публикации / Accepted: 25.08.2026

Библиографический список

Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018.

Мармазова Т.И., Фоменко М.В. Политическая экология: теория и прикладное значение // Право и практика. 2021. № 1. С 198–204. http://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-1-198-204 EDN: ADEZNF

Романова Т.А. Что такое политическая экология? От практики к теории и стратегии // Russia in Global Affairs. 2010. Т. 8. № 5. URL: https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-politicheskaya-ekologiya/

Хайнацкая Т.И. Разделенные общества: экологическое измерение // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 84–99. http://doi.org/10.20542/afij-2023-2-84-99 EDN: SJIEWM

Якуцени С.П., Буровский А.М. Политическая экология. Directmedia, 2015.
Attfeld R. The Ethics of Environmental Concern. N.Y. : Columbia univ. press. 1983. 220 p.
Huxley A. The human situation: Lectures at Santa-Barbara, 1959 / ed. by Piero Ferrucci. New York [etc.]: Harper & Row, 1977.
Lynn White Jr. The historical roots of our ecologic(al) crisis. Science 155 (10 March 1967) (reprinted in F.A. Schaeffer, Pollution and the Death of Man. Hodder & Shoughton, 1974. P. 70–81.
Pecchei A. Le Club du Rome: ordre des jour pour la fin du sciecle// Fituribles. 1984. No. 76. P. 3–14.
Passmore J. Man's Responsibility for Nature. Duckworth, 1974.

Сведения об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741, SPIN-код: 6083-2049, AuthorID: 569349, Scopus ID: 35435829900, WOS ID: A-4465-2017).

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898, SPIN-код: 2638-8538, AuthorID: 613327, Scopus ID: 57195478048, WOS ID: A-5085-2017).